

Научная статья
УДК 94(470.56)
DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.13

Служебные конфликты и пути их разрешения в системе губернаторской власти Российской империи в первой половине XIX в. (на примере Оренбургской губернии)

Наталья Леонидовна Семенова

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, natalja_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9201-3842>

Аннотация. В статье на основе архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, рассмотрены служебные конфликты с участием губернатора в административной практике Оренбургской губернии в первой половине XIX в. Предпринята попытка выявить их причины и пути решения. Выделены формальные и неформальные уровни конфликтов. Первые были связаны с тем, что законодательные нормы функционирования и взаимодействия основных институтов местного государственного управления в рассматриваемый период были определены только в самом общем виде. Неформальные причины конфликтов были обусловлены личными качествами представителей высшей администрации Оренбургской губернии, их стилем управления, взглядами, административным опытом, характером отношений с подчиненными, собственным видением ситуации. Главным арбитром в спорах выступал Сенат. В отдельных случаях правительство прибегало к использованию кадровых механизмов разрешения конфликтов. Возникавшие конфликты показывали пути дальнейшей эволюции системы местного управления, необходимость уточнения полномочий, выработки более эффективных способов и форм взаимодействия институтов власти.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, военный губернатор, гражданский губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, Сенат.

Для цитирования: Семенова Н. Л. Служебные конфликты и пути их разрешения в системе губернаторской власти Российской империи в первой половине XIX в. (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 188—203. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/13_52_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.13.

Original article

Official conflicts and ways of resolving them in the system of gubernatorial power in the Russian Empire in the first half of the 19th century (by the example of the Orenburg province)

Natalia L. Semenova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, natalja_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9201-3842>

Abstract. The article, based on archival documents, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, examines conflict situations with the participation of the governor in the administrative practice of the Orenburg province in the first half of the 19th century. An attempt has been made to identify their causes and solutions. The author identified formal and informal levels of conflict. The first were due to the fact that the legislative norms for the functioning and interaction of the main institutions of local government during the period under review were defined only in the most general form. The informal causes of conflicts were due to personal qualities of representatives of the highest administration of the Orenburg province, their management

© Семенова Н. Л., 2024

style, views, administrative experience, the nature of relations with subordinates, and their own vision of the situation. The main conflict resolver was the Senate. In some cases, the government used personnel mechanisms to resolve conflicts. The conflicts that arose showed ways of further evolution of the local government system, the need to clarify powers, and develop more effective ways and forms of interaction between government institutions.

Keywords: Orenburg province, military governor, civil provincial leader of the nobility, provincial prosecutor, Senate.

For citation: Semenova N. L. Official conflicts and ways of resolving them in the system of gubernatorial power in the Russian Empire in the first half of the 19th century (by the example of the Orenburg province). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 4 (52), pp. 188—203. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.13>.

Введение

Актуальность изучения института губернаторской власти в Российской империи сегодня связана с анализом реальной практики его функционирования в системе местного управления. Важно выяснить, как в административной практике конкретной губернии реализовывались установленные законом права и обязанности губернатора, как происходило его взаимодействие с центральными учреждениями, ведомствами и местными органами [10, с. 118]. Особое значение в этой связи приобретает анализ конфликтных ситуаций, возникавших в управленческой практике отдельных губерний Российской империи. Их изучение позволит выяснить не только слабые места, имевшиеся противоречия в системе местного управления, роль формальных и неформальных структур, но и установить основные тенденции эволюции системы государственного управления Российской империи в XIX в.

В дореволюционной историографии рассматривались конфликты между коронной и выборной властью в системе местного управления в период правления Александра I. С. М. Середонин писал, что в первые десятилетия XIX столетия в Комитет министров стали поступать донесения губернаторов о беспорядках на дворянских выборах, о самовольном отъезде дворян за границу, о политической неблагонадежности отдельных лиц, а в западных губерниях нарушения иногда носили политический характер [27, с. 260]. Например, дворянство Олонецкой губернии сочло себя обиженным тем, что губернатор «принял дворянскую депутацию сидя», а одного из выбранных дворянством лиц не утвердил. По мнению С. М. Середонина, правительство в первые десятилетия XIX в. было «весьма недовольно ходом внутреннего управления вообще и должностными лицами, избираемыми дворянством, в частности» [27, с. 277]. Одна из причин такого положения состояла в отсутствии четкого разграничения полномочий между выборными должностными лицами и губернскими властями [27, с. 277].

Анализ противоречий между губернатором и органами сословного дворянского самоуправления представлен и в исследованиях современных историков. А. Н. Бикташева в своих работах раскрыла зависимость власти начальника губернии от его отношений с губернскими предводителями дворянства [4; 5]. Причина многих конфликтов между ними состояла в том, что правительство в первой половине XIX в. сознательно пошло на усиление позиций дворянства и возложило на органы дворянского самоуправления часть полномочий «бывших наместников» [4, с. 374].

Н. Л. Семенова проанализировала взаимоотношения военных и гражданских губернаторов Оренбургской губернии с органами дворянского сословного управления края в 20—30-е гг. XIX в. на примере конфликта 1823 г., когда оренбургский военный губернатор не утвердил результаты дворянских выборов и избрание предводителем С. Б. Мертваго [16]. Автор показала, что в 1820—1830-е гг. в Оренбургской губернии контроль над органами дворянского управления осуществлял военный губернатор как главный началь-

ник края. Он рассматривал их как составную часть системы местного управления, призванную исполнять распоряжения правительства [25].

В. В. Ефимова впервые в историографии проанализировала серьезный конфликт оло-нецкого губернатора П. А. Лачинова с советниками губернского правления в 1820-е гг. Он приобрел характер противостояния по большинству вопросов, решаемых в правлении [7]. Изучив делопроизводственные документы, В. В. Ефимова заключила, что в первой четверти XIX в. члены губернских правлений крайне редко высказывали свои особые мнения или составляли оппозицию губернатору [7, с. 26]. Но если такие случаи происходили, то губернатор видел в этом желание подорвать его авторитет [8].

Столкновения чинов Корпуса жандармов с местными властями в 1830—1840-е гг. исследовал Г. Н. Бибиков [1—3]. Автор показал, что острие надзора жандармов в губерниях было направлено на губернаторский корпус. Жандармы фиксировали не только злоупотребления начальников губернии и высших чиновников, но и осуществляли контроль над их личной жизнью. Столкновения и конфликты между ними и губернаторами происходили ввиду недостаточно четкого правового положения жандармских офицеров, которые, с одной стороны, должны были сохранять отношения с губернским начальством, а с другой — обеспечивать надзор за ним.

Таким образом, анализ историографии показывает, что в первой половине XIX в. спорные ситуации и конфликты являлись составной частью административной практики отдельных губерний Российской империи. В большей степени проанализированы противоречия между начальниками этих губерний и предводителями дворянства, жандармами. Спорные ситуации, столкновение интересов между губернатором и губернским правлением, губернским прокурором и другими должностными лицами изучены заметно меньше.

Целью нашей статьи является анализ конфликтных ситуаций с участием губернатора в первой половине XIX в., причин их возникновения и путей разрешения. Основное внимание сосредоточено на служебных противоречиях, возникавших между представителями высшей администрации губернии, которые составляли институт губернаторской власти: между военным и гражданским губернаторами, главным начальником края и членами губернского правления, а также между губернской администрацией и предводителем дворянства, представлявшем органы сословного управления. Проанализированы наиболее яркие примеры конфликтов, которые вышли за пределы местного уровня власти, «обросли» перепиской и привлекли внимание правительства.

В качестве исследовательской модели предлагается Оренбургская губерния, в которой сложилась особая система регионального управления, предполагавшая одновременное функционирование и взаимодействие институтов военного и гражданского губернатора. Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что в дореформенный период в истории государственного управления Российской империи происходило утверждение бюрократических принципов, более четкое разграничение полномочий между институтами власти и должностными лицами, формирование механизмов контроля.

Источниковую базу исследования составили преимущественно делопроизводственные документы центральных и местных архивов. В фондах Комитета министров (Ф. 1263), МВД (1281, 1284, 1286) Российского государственного исторического архива отложились рапорты руководителей администрации Оренбургской губернии, представления на имя государя, отношения в министерства. Часть этих документов содержит пометки императора, министров, что позволяет более детально проследить механизм обсуждения и принятия решений на самом высшем уровне. Большая часть использованных материалов сохранилась в Национальном архиве Республики Башкортостан в фондах

канцелярии военного и гражданского губернаторов, губернского правления (Ф. И-1, И-2, И-6), Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Ф. Ф-6). Архивные материалы представлены перепиской чинов высшей администрации Оренбургской губернии с центральными и местными учреждениями, журналами заседаний губернского правления. Многие из них впервые вводятся в научный оборот, дают возможность на конкретных примерах показать, как на практике происходила реализация законодательных норм.

Результаты исследования

В первой половине XIX в. Оренбургская губерния представляла собой отдаленную и весьма обширную юго-восточную окраину государства с многонациональным и поликонфессиональным составом населения. Здесь была создана и функционировала особая модель регионального управления, построенная на основе взаимодействия институтов военного и гражданского губернаторства. В первые десятилетия XIX в. главным документом, регулировавшим порядок деятельности всех органов и учреждений местного управления, являлись «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. [18]. Однако они определяли порядок их работы только в самом общем виде. Более конкретно полномочия военного и гражданского губернаторов закреплялись отдельными именными указами и ситуативными решениями верховной власти.

Военный губернатор соединял в своих руках военно-пограничные, внешнеполитические, надзорные функции, заведовал полицией и гражданской частью в крае. Гражданский губернатор ведал управлением в пределах Оренбургской губернии и подчинялся военному, управлявшему гражданской частью. Это определило способы и формы взаимодействия основных институтов управления губернии. Институт гражданского губернаторства приобрел административное значение, но деятельность начальника губернии осложнялась отсутствием разграничения функций по гражданскому управлению с военным губернатором, четких правил взаимодействия между учреждениями различных ведомств в местном управлении, сосредоточением слишком обширных функций в Министерстве внутренних дел. 16 сентября 1803 г. оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский получил Высочайшую инструкцию, в которой император Александр I настаивал на том, что он не должен допускать «недоразумения» между военным и гражданским начальниками края, чтобы «дух единомыслия, к пользе общественной долженствуя обе части сии руководствовать» [19, с. 894].

В первые десятилетия XIX в. конфликтные ситуации в административной практике Оренбургской губернии возникали по причине недостаточно четкого разграничения надзорных функций между военным и гражданским губернаторами. Так, в 1800 г. оренбургский гражданский губернатор И. О. Курис после назначения в губернию обнаружил, что военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметьев, руководствуясь словесным распоряжением императора Павла I «ведать часть гражданскую», «входит неограниченно и дает повеления свои повсеместно» [15, л. 1]. Например, он распорядился, чтобы ни одно решение губернского правления без его резолюции «не было выпускаемо», основываясь при этом на статьях «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» о том, что главный начальник края заседает в правлении и является его председателем. Кроме того, военный губернатор Н. Н. Бахметьев, «палату уголовного суда взяв единожды под свою ревизию», создал тем самым «замешательство», поскольку «верхние департаменты и нижние суды в неведении, куда обратиться».

Гражданский губернатор И. О. Курис написал в Сенат: «...прошу разрешить о должности военного губернатора, в чем она теперь состоит, дабы при таковых развлечении не затруднялось само дело к пользе службе государственной» [15, л. 1 об.]. Сенат

подтвердил, что палата должна все дела «вносить уже на рассмотрение и утверждение гражданскому губернатору И. О. Курису», а к военному губернатору доставлять только ведомости о нерешенных делах [15, л. 4]. Губернское правление являлось коллегиальным органом, через который военный губернатор осуществлял свою власть по гражданской части Оренбургской губернии. Правление представляло начальнику края ведомости обо всех происшествиях в губернии, о решенных и нерешенных делах, причинах промедления, о состоянии недоимок, об увольнении и перемещении чиновников, о справочных ценах на важнейшие товары.

10 апреля 1800 г. оренбургский губернский прокурор Г. П. Богинский в своем рапорте поддержал гражданского губернатора. Обращаясь к генерал-прокурору П. Х. Оболяниннову, он указал, что военный губернатор Н. Н. Бахметьев требует передавать ему все дела по преступлениям башкир и мещеряков, что является отступлением от закона [15, л. 20]. Неверные действия начальника края подтвердили чиновники палаты суда и расправы: «действительный статский советник Ланской, Веригин, советник Федоров, ассессор Масленников» [15, л. 24].

Военный губернатор Н. Н. Бахметьев объяснил генерал-прокурору, что хотел просто «разгрузить» палату суда и расправы от большого количества дел [15, л. 26]. Он особо подчеркнул, что советники палаты суда и расправы «придираются» к нему из-за своей причастности к некоторым делам, связанным с продажей земли, о которых знает военный губернатор [14, л. 7]. Н. Н. Бахметьев расценил рапорт Г. П. Богинского в Сенат как донос, заключил, что их дальнейшая совместная служба невозможна, потому просил генерал-прокурора Сената перевести губернского прокурора в другую губернию [13, л. 23]. Он писал: «...если бы он (Богинский. — *Н. С.*) действительный был блюститель порядка, я не заботился бы много, сколь имею попечение об исправлении упущений по делам и порядку, но не представлял всякую мелочь вашему вниманию» [15, л. 27]. Эта просьба военного губернатора не была удовлетворена, поскольку, по мнению генерал-прокурора, Г. П. Богинский исполнял свою должность исправно и не имел серьезных замечаний [13, л. 15]. Сенат подтвердил порядок, что башкиры и мещеряки «по имени своему и по преступлениям подлежат обыкновенному гражданскому суду и для того дела их должны идти установленным порядком через палату суда и расправы» [13, л. 21]. К военному губернатору поступали на утверждение только уже решенные дела. Таким образом, главным арбитром в данном конфликте между военным и гражданским губернаторами и губерньским прокурором выступил Сенат, решения которого способствовали более четкому разграничению надзорных функций между основными институтами власти в губернии.

Несмотря на то что Оренбургская губерния не относилась к числу помещичьих губерний, а доля дворян (потомственных и личных) в рассматриваемый период составляла менее 1%, в местной административной практике происходили конфликты между высшей губернской администрацией и предводителями дворянства, некоторые из которых уже становились предметом изучения [25]. В 1822 г. гражданский губернатор Г. В. Нелидов, проверив документы специального комитета, созданного в 1817 г. императором Александром I для помощи жителям Уфы, пострадавшим от пожара, выявил многочисленные нарушения [12]. Оказалось, что не все денежные средства в сумме 100 000 руб. были использованы по назначению. Гражданский губернатор приказал оставить работы и поручил исправить все нарушения вновь избранному губерньскому предводителю дворянства С. Б. Мертваго. Последний категорически отказался выполнить распоряжение губернатора, обратившись за поддержкой к военному губернатору П. К. Эссену, чтобы тот покровительствовал губерньскому дворянству и защитил от незаслуженных нападков Г. В. Нелидова [12, л. 303].

Благодаря губернскому предводителю дворянства назревавший конфликт дошел до министра внутренних дел Б. Б. Кампенгаузена. С. Б. Мертваго писал ему, что стал жертвой гнева начальства [12, л. 281]. Кроме того, он обратил внимание министра на упущения в деятельности начальников края и губернии: губернский комитет по устройству гимназии не работал; подрядчики, которые взялись за постройку гимназии, скрылись.

По распоряжению Б. Б. Кампенгаузена Оренбургская уголовная палата провела дополнительное расследование, заключив, что растроченные средства должны возместить все члены комитета [12, л. 421]. Губернский предводитель дворянства С. Б. Мертваго был предупрежден, чтобы впредь не позволял себе подобного в официальной переписке. Рассмотрение дела затянулось до 1829 г., когда 29 октября последовало окончательное утверждение Сенатом постановления Оренбургской уголовной палаты.

Подобные конфликты между губернатором и предводителем дворянства были довольно частым явлением в управленческой практике многих губерний Российской империи первой половины XIX в. В помещичьих губерниях предводители дворянства считали, что их положение в административной иерархии губернии вполне сопоставимо с губернатором ввиду аналогичного класса их должности, схожего статуса [4, с. 297—394]. В Оренбургской губернии действовала особая модель управления, стержнем которой являлся институт военного губернатора. Позиции губернского предводителя дворянства были не столь сильны, как в помещичьих губерниях. Центральная власть стремилась поддерживать авторитет военного и гражданского губернаторов в этом геополитически важном пограничном макрорегионе, имевшем такой особенный состав населения.

Для создания более полной картины функционирования института губернаторской власти в Российской империи в первой половине XIX в. значительный интерес представляют случаи конфликтов и несогласия руководителей губернии с членами губернского правления. Среди делопроизводственных документов, хранящихся в фонде Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел РГИА, нам удалось обнаружить ряд дел о несогласии главного начальника Оренбургского края с решениями губернского правления [21—23]. Одно из них состояло в том, что в 1843 г. оренбургский земский суд получил «438 метрических книг для раздачи их муллам магометанского закона» [21, л. 3]. Становые приставы должны были изъять у мулл старые книги, раздать им новые, «получив за них деньги». Однако секретарь земского суда Старченков, подканцелярист Турчанинов, канцелярист Плетнев стали сами выдавать «книги являвшимся муллам, и весьма много разнесли книги по своим домам, откуда продавали оныя и выдавали муллам в долг, а полученные деньги большею частью не представляли в суд» [21, л. 5 об.]. Кроме того, следствие установило, что Турчанинов во время исправления им должности растратил казенные деньги в сумме 103 руб. 50 коп., а уволенный от службы коллежский регистратор Усович, служивший прежде в земском суде, имел дома большое количество бумаг и документов, относящихся к делам земского суда [21, л. 7].

Губернское правление постановило подканцеляриста Турчанинова, канцеляриста Плетнева предать суду с заключением под стражу. Оренбургский военный губернатор В. А. Обручев, соглашаясь с заключением губернского правления, считал, что не следует подвергать их содержанию в тюрьме, потому что преступления их не такого рода и не так важны. Главный начальник края сообщил свое особое мнение министру внутренних дел и в Сенат. Сенат постановил не заключать чиновников предварительно под стражу, но виновные должны были понести заслуженное наказание, поскольку за растрату казенных денег законом предусматривалось «лишение виновного всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылка на жительство в сибирские губернии» [21, л. 14].

В 1849 г. Сенат рассмотрел дело о несогласии оренбургского военного губернатора В. А. Обручева с постановлением губернского правления о наказании заседателя Челябинского уездного суда Борчанинова за самовольную отлучку от должности [22]. Оказалось, что сельский заседатель «отлучился на время для взятия белья и продовольствия, но по причине приключившейся болезни» не смог вернуться на службу вовремя. Подтверждения своей болезни от местного сельского начальства он не взял, «поскольку не предполагал, что оно потребуется» [22, л. 2 об.]. Военный губернатор посчитал возможным принять объяснения чиновника и не наказывать его. Сенат признал правильным мнение начальника края.

В 1851 г. вместо Оренбургского военного губернаторства было образовано Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство в составе двух губерний во главе с генерал-губернатором. Во главе Оренбургской и Самарской губерний находились гражданские губернаторы. В 1867 г. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой отменить неправомерное решение оренбургского губернского правления о начале следствия о действиях полицмейстера Дрейера и пристава Доменова [23].

11 июня 1866 г. к оренбургскому губернскому прокурору поступила жалоба от купца Башкатова о том, что полицейский пристав Доменов разрушил его палатку для торговли косами на специально отведенном месте, «весь его товар был разбросан, несмотря на то, что он имел квитанцию об уплате им следующих в думу денег» [23, л. 1]. Следствие было начато во время отсутствия генерал-губернатора в крае. Когда Н. А. Крыжановскому стало известно об этом, он приказал провести дополнительное расследование, в ходе которого выяснилось, что оренбургская полиция не ломала торговой палатки, а лишь перевела на отведенное место телегу с товаром, «и такое распоряжение полиции составляло прямую ее обязанность, а отнюдь не превышение власти» [23, л. 18]. Губернский прокурор на момент этого происшествия находился в больнице для умалишенных. Он приказал начать следствие над полицмейстером Дрейером только на основании одной словесной жалобы купца. Генерал-губернатор писал, что губернское правление, «вопреки законному порядку подчиненности полиции губернатору, а не прокурору и даже без истребования от полковника Дрейера предварительного объяснения» [23, л. 18 об.], составило постановление о начале над ним следствия. В дальнейшем губернское правление оставило без всякого внимания все рапорты и объяснения Дрейера, обнаружив тем самым «пристрастные действия к полицмейстеру» [23, л. 19].

Генерал-губернатор особенно подчеркивал, что полицмейстер Дрейер пользовался полным доверием не только его, но и оренбургского губернатора, «за свою усердную и истинно полезную службу был произведен высочайшим приказом в чин полковника по представлению министра внутренних дел» [23, л. 37]. Н. А. Крыжановский писал, что «считал крайне неудобным допустить подобное явно несправедливое притязание губернского правления, клонящегося к тому, чтобы уронить полицейскую власть, в особенности в Оренбурге, где скопляется масса инородцев и ссыльных», и поэтому просил министра внутренних дел отменить решение губернского правления [23, л. 39 об.].

Министр внутренних дел П. А. Валуев, согласившись с доводами генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, настаивал на том, что отмена состоявшегося постановления губернского правления может быть осуществлена только по указу Сената [23, л. 41]. 11 октября 1867 г. последовал указ Сената, отменивший постановление оренбургского губернского правления.

К середине XIX в. система местного управления стала более унифицированной и четкой. По сравнению с первыми десятилетиями произошло законодательное уточнение

и разграничение полномочий органов и должностных лиц. Принятые «Наказ гражданским губернаторам» (1837 г.) и «Инструкции генерал-губернаторам» (1853 г.) должны были минимизировать спорные ситуации. Тем не менее, административная практика Оренбургской губернии была отмечена рядом конфликтов между генерал-губернатором и высшими должностными лицами губернии.

В 1861 г. произошел конфликт между оренбургским и самарским генерал-губернатором генерал-адъютантом А. П. Безаком и оренбургским гражданским губернатором действительным статским советником Е. И. Барановским. А. П. Безак сообщал конфиденциально министру внутренних дел П. А. Валуеву, что Е. И. Барановский относится к нему крайне неуважительно [20]. По словам генерал-губернатора, это обнаружилось почти сразу после его приезда в край в октябре 1860 г., проведения им первого осмотра Оренбургской губернии и ревизии всех присутственных мест, что было продиктовано интересами службы.

Современники писали, что новый генерал-губернатор А. П. Безак зарекомендовал себя как опытный администратор, который стремился вникнуть во все вопросы управления, «не обращая внимания на чины и звания» [24, с. 240]. К моменту назначения в край в качестве командира Отдельного Оренбургского корпуса и генерал-губернатора А. П. Безак имел богатый боевой опыт: участвовал в русско-турецкой войне 1828 г., подавлении польского восстания 1830 г., с 1832 г. был начальником штаба артиллерии действующей армии, а во время Крымской войны руководил артиллерийским департаментом.

Ревизия Оренбургской губернии показала «расстроенное» положение дел в крае. А. П. Безак писал: «...здесь до моего приезда думали, что власть генерал-губернатора покрывает все. Стараюсь приучить к тому, чтобы считали закон выше власти начальника» [20, л. 4 об.]. Генерал-губернатор установил, что в торговле башкирским лесом наряду с купцами принимают участие многие кантонные начальники, некоторые попечители и чиновники канцелярии Башкирского войска. При этом часто происходят злоупотребления, которые приводят к разорению народа. А. П. Безак отдал приказ, чтобы впредь «никто из служащих в войске и чиновников не смел участвовать в торговле лесом». А чиновники, замеченные в этом, например уфимский попечитель Угличин, являвшийся другом Е. И. Барановского, были уволены с должности по приказу генерал-губернатора.

Недовольство генерал-губернатора вызвал и тот факт, что оренбургский гражданский губернатор Е. И. Барановский необъективно сообщал ему, что в губернии в связи с готовящейся реформой волнения в народе не ожидаются. Однако из приложенных рапортов исправников А. П. Безак сделал вывод, что «крестьяне все приказания исполняют ровно наполовину. Все слушания делают втихомолку, но упорно и настойчиво, на власть помещиков смотрят с уверенностью, что она ненадолго» [20, л. 3 об.]. В горных заводах еще более тревожная ситуация: крестьяне убеждены, что с принятием готовящегося Манифеста «все долги им будут прощены и настанет черед брать им что захочется» [20, л. 3 об.]. Серьезную проблему составляли самовольные уходы крестьян: «...из рудников Пашкова ушли самовольно 1300 человек» [20, л. 3 об.]. А. П. Безак полагал, что если ситуацию не изменить, то заводы могут остановиться, тогда убытки потерпят не только частные лица, но и государство [20, л. 2 об.].

По мнению генерал-губернатора, именно итоги его ревизии стали причиной недовольства оренбургского гражданского губернатора: «...Он ставит себя в неприязненное отношение ко мне. ...В наше время, когда все ожидают Манифест, необходимо, чтобы власти действовали вместе», «у начальника Оренбургской губернии разлита желчь» [20, л. 2 об.]. Жандармский штаб-офицер из Уфы Колычев сообщал генерал-губернатору, что жена и сестра Е. И. Барановского, к которым он прислушивается, имеют на него очень

большое влияние, распространяют по городу слухи, что губернатор пишет неуважительные письма А. П. Безаку [20, л. 3 об.].

В своем отношении министру внутренних дел А. П. Безак писал, что оренбургский и самарский гражданские губернаторы усмотрели в ревизии и последующих действиях генерал-губернатора стремление их контролировать, поэтому решили использовать свои всеподданнейшие отчеты как дополнительный канал информации наверх с целью «выйти из-под начальства генерал-губернатора» [20, л. 5 об.]. Так, Е. И. Барановский во всеподданнейшем отчете за 1860 г. предложил разделить Оренбургскую губернию на Уфимскую и Оренбургскую области, исключив первую из подчинения командира Отдельного Оренбургского корпуса, учитывая ее характер внутренней губернии. Большое место в отчете он уделил критике общего управления Башкирией, итогом которого стало то, что «башкиры с котомками нищенствуют по городам и заводам» [20, л. 6 об.].

Познакомившись с содержанием отчета оренбургского гражданского губернатора, А. П. Безак потребовал, чтобы Е. И. Барановский уведомил его, на каком основании он сделал подобное донесение [20, л. 6 об.]. Генерал-губернатор писал министру внутренних дел, что Е. И. Барановский делал это, «желая навредить мне, а на самом деле бросая камень в своего благодетеля Катенина (оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1857—1860 гг. — *Н. С.*), так как не мог же я навредить только за несколько месяцев» [20, л. 5 об.]. Самарский гражданский губернатор в своем всеподданнейшем отчете также настаивал на том, что Самарская губерния в экономическом и торговом отношении абсолютно независима от Оренбурга, поэтому не должна находиться под управлением генерал-губернатора [20, л. 5 об.].

А. П. Безак, понимая, что дальнейшая работа с оренбургским гражданским губернатором может быть затруднительна, вышел с представлением к министру внутренних дел П. А. Валуеву о замене Е. И. Барановского другим губернатором [20, л. 8 об.]. 23 июня 1861 г. Е. И. Барановский был назначен саратовским гражданским губернатором [17].

Личность и деятельность гражданского губернатора Е. И. Барановского в Оренбургской губернии, обстоятельства его отставки из губернии неоднократно становились предметом анализа историков [9; 28; 29]. С. В. Любичанковский исследовал взаимоотношения «красного губернатора», «выдающегося представителя бюрократической элиты Е. И. Барановского» и реформатора эпохи Великих реформ П. А. Валуева [9, с. 52]. Опираясь на воспоминания самого оренбургского гражданского губернатора, С. В. Любичанковский рассмотрел «механизм его отстранения от губернаторской должности в 1861—1862 гг.» как часть политики по «устранению наиболее радикальных реформаторов из бюрократической элиты времен Александра II» [9, с. 59]. Важную роль в отставке Е. И. Барановского сыграл его давний конфликт с П. А. Валуевым, случившийся в период их совместной службы в канцелярии рижского военного губернатора в 1847—1848 гг. [9, с. 53]. Причем Барановский был правителем канцелярии, а Валуев находился у него в подчинении. По мнению С. В. Любичанковского, отставка Е. И. Барановского и последовавший перевод его в Саратовскую губернию стали сознательными шагами министра внутренних дел с целью переместить Е. И. Барановского, имевшего «репутацию человека, жестко преследующего помещиков и владельцев горных заводов, в заранее враждебно настроенную по отношению к нему местную дворянскую среду» [9, с. 56].

Исследователи отмечали, что оренбургский гражданский губернатор принимал самое активное участие в работе Оренбургского губернского дворянского комитета по «улучшению быта помещичьих крестьян» [29, с. 166]. По словам С. В. Любичанковского, «он стремился включить в его состав людей либерально настроенных» [9, с. 53]. По его инициативе в состав губернского комитета вошел сын писателя С. Т. Аксакова Григорий

Сергеевич Аксаков, который придерживался демократических взглядов и был близок к славянофилам. Сам Е. И. Барановский считал необходимым улучшить земельную обеспеченность крестьян, критиковал помещиков за жестокое обращение с ними [9, с. 54]. Травля Е. И. Барановского и его ближайшего окружения со стороны министра внутренних дел в Саратовской губернии только усилилась и привела к тому, что Егор Иванович выразил министру сомнение в возможности оставаться в своей должности, подчеркнув, что это связано именно с «изменившимися требованиями и направлением МВД» [9, с. 57]. В октябре 1862 г. Е. И. Барановский вышел в отставку.

По нашему мнению, следует согласиться с выводами исследователей о том, что конфликт Е. И. Барановского с П. А. Валуевым, желание министра внутренних дел избавиться от губернатора, поддержавшего реформу 1861 г., стоявшего на прокрестьянских позициях, стали важными причинами отстранения от должности начальника губернии. Тем более, что в январе 1883 г., уже после того как П. А. Валуев получил отставку от должности председателя Комитета министров и окончил свою государственную деятельность, Е. И. Барановский вернулся на службу и был произведен в тайные советники. Тем не менее, видимо, и конфликт Е. И. Барановского с оренбургским и самарским генерал-губернатором А. П. Безаком в 1861 г. стал дополнительным аргументом для министра внутренних дел П. А. Валуева в решении дальнейшей судьбы оренбургского гражданского губернатора.

Интересно, что в период управления краем А. П. Безаком произошел еще один конфликт — «пререкания» между ним и начальником Управления областью оренбургских киргизов, действительным статским советником, известным ориенталистом, специалистом в области истории и культуры Туркестана В. В. Григорьевым, причем примерно в то же время, что и конфликт с Е. И. Барановским. Василий Васильевич Григорьев начал службу в Оренбургском крае в 1851 г. в качестве чиновника особых поручений при оренбургском и самарском генерал-губернаторе В. А. Перовском. В 1854 г. он возглавил Оренбургскую пограничную комиссию, которая ведала управлением Казахской степью и отношениями со среднеазиатскими ханствами. В 1859 г. комиссия была преобразована в Управление областью оренбургских киргизов, которое подчинялось власти генерал-губернатора [6].

В апреле 1862 г. В. В. Григорьев довел до сведения начальника края А. П. Безака и Министерства внутренних дел о назначении им ревизии всего делопроизводства уголовного отделения вверенного ему управления [20, л. 20]. Причиной такого решения стало выявленное им нарушение со стороны советника уголовного отделения Масленикова, который «распорядился передать уголовное следствие, производившееся одним лицом, другому без доклада о том присутствию и журнального постановления» [20, л. 20 об.]. Генерал-губернатор А. П. Безак не только поддержал решение В. В. Григорьева, но и создал особую комиссию для подробной ревизии всего делопроизводства управления, поскольку в последнее время до него доходили сведения о беспорядках [20, л. 21].

Действительно, ревизия выявила многочисленные нарушения, ответственность за которые генерал-губернатор возложил единолично на председателя Управления областью оренбургских киргизов В. В. Григорьева. Наряду с традиционными замечаниями об упущениях в делопроизводстве, медленности, накоплении большого количества дел, «небрежении в скорейшем производстве следствий в степи» были обнаружены довольно серьезные нарушения: «предоставление султанам-правителям права распоряжаться наделением киргизов поземельными угодьями»; «наложение на бумагах резолюций, стесняющих свободу членов присутствия»; «неимение надзора за действиями попечителей и местных ордынских властей»; «небрежение в охранении в степи тишины и спокойствия»;

«отсутствие заботливости об удовлетворении нужд киргизов» [20, л. 21 об.]. В ответ на предъявленные ему замечания В. В. Григорьев заявил, что вверенное ему управление — коллегиальный орган, поэтому ответственность за нарушения не может падать только на него одного. Медленность делопроизводства он объяснил значительным количеством дел и тем, что следствие в степи никогда не производится быстро, а «несоблюдение делопроизводства» касается незначительных вопросов.

Председатель Управления области оренбургских киргизов в свою очередь обвинил генерал-губернатора «в несправедливых и вредных действиях для края по управлению оренбургских киргиз» и в «непотизме» [20, л. 23]. Так, А. П. Безак без согласования с В. В. Григорьевым определил помощником начальника областного управления своего зятя коллежского асессора Галкина, который вместо осуществления общего контроля над всем делопроизводством полгода пробыл за границей, а «остальное время хлопотал только о том, чтобы парализовать начальническое значение Григорьева между подчиненными» [20, л. 24]. Кроме того, генерал-губернатор оказывал «вредное потворство злоупотреблениям местных ордынских начальств»; оставил без внимания сообщение Григорьева «о крайнем вреде для ордынцев правителя западной части области полковника Тявкина по страсти к взяточничеству». Да и сам генерал-губернатор оказывал покровительство кляузничеству и ябедничеству, принимая без разбора жалобы от киргизов, даже исковые прошения [20, л. 25].

Кадровая политика А. П. Безака, по словам В. В. Григорьева, не выдерживала никакой критики. Для наблюдения за точным исполнением распоряжений начальника края и за правильным отправлением в степи правосудия генерал-губернатор определил чиновников, которые не только не служили в Оренбургском крае, но даже никогда не бывали там [20, л. 26]. Григорьев обвинил Безака в превышении власти: он возложил на командира Александровского форта разбор претензий, возникающих между адаевцами и туркменами, сбор с них кибиточной подати, подчинил ему всех инородцев, в то время как они должны были находиться во власти областного правления.

Председатель Управления области оренбургских киргизов особо подчеркивал, что генерал-губернатор не обращает никакого внимания на опытность и знания членов правления, в то время как сам незнаком с «местными и поземельными обстоятельствами». Так, А. П. Безак требовал у правления наделить казахов участками «под прочную оседлость и хлебопашество», что не соответствовало нуждам казахов, и предписывал отвод участков «в натуре производить наличными средствами правления, когда в составе его нет ни одного землемера» [20, л. 26]. Наконец, перевозка провианта в степные укрепления в 1861 г. производилась на верблюдах, нанятых обер-провиантмейстером Отдельного Оренбургского корпуса на условиях, которые казахи по своей безграмотности не могли знать, а в результате неисполнения их в срок «поплатились по воле генерал-губернатора своим имуществом и сделались с семействами нищими» [20, л. 27]. Такое положение представляло серьезную опасность, поскольку гарнизоны Сыр-Дарьинской линии могли остаться без провианта. В. В. Григорьев в особой записке министру внутренних дел просил «другой должности, считая невозможным оставаться на занимаемой» и работать с А. П. Безаком [20, л. 27 об.].

Все рапорты и отношения генерал-губернатора и председателя Управления области оренбургских киргизов поступили в Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел. Откуда было дано разъяснение, что генерал-губернатор может проводить ревизии и требовать объяснений от всех подчиненных лиц в крае. Но обвинять во всех ошибках Управления области оренбургских киргизов только одного председателя нельзя, поскольку это коллегиальный орган. Тем более, что еще В. А. Перовский при-

гласил В. В. Григорьева в край, считая, что тот «на занимаемое место по убеждению в отличных способностях и по дознанным на опыте усердию и твердым правилам чести вполне оправдывает доверие» [20, л. 29].

Из заключения Департамента следовало, что часть обвинений В. В. Григорьева несправедлива. Например, коллежский асессор Галкин был переведен из ведомства Министерства иностранных дел в 1860 г., а женился на дочери А. П. Безака 19 февраля 1861 г. 28 февраля он получил 29-дневный отпуск, по истечении которого был уволен на 6 месяцев за границу. В мае 1862 г. он снова получил шестимесячный отпуск за границу для лечения [20, л. 30]. Было особо подчеркнуто, что определение помощника управляющего областью оренбургских киргизов зависит от Министерства внутренних дел и для этого не требуется согласия председателя.

Департамент полиции исполнительной МВД заключил, что В. В. Григорьев управлял областью оренбургских киргизов с 1854 г., т.е. при всех генерал-губернаторах, и «до нынешней перепалки» отзывы о нем были только хорошие. Например, за участие в походе 1853 г. на Ак-Мечеть он был награжден одновременно суммой в 2000 руб. и чином действительного статского советника [20, л. 34]. В 1856 г. В. А. Перовский писал, что Григорьев привел уголовные дела в порядок, в 1856 г. был награжден орденом Св. Владимира 3 степени, в 1859 г. — орденом Св. Станислава 1 степени. Научная деятельность Григорьева заслуживает всякого уважения, он принадлежит к кругу известных ориенталистов. В Департаменте сложилось понимание того, что конфликт между генерал-губернатором и В. В. Григорьевым возник не из-за служебной деятельности, а по «причине участия, которое принимает Безак в судьбе своего зятя» [20, л. 34 об.]. Все обвинения В. В. Григорьева — «односторонние, даже пристрастные», напротив, обвинения А. П. Безака столь важны, что «должны были обратить на себя внимание правительства» [20, л. 34].

В Министерстве внутренних дел полагали, что просьба уволить В. В. Григорьева может быть удовлетворена только потому, что отношения между ним и генерал-губернатором приняли «открыто враждебный характер» [20, л. 34 об.]. Григорьев и сам не хотел оставаться в занимаемой должности и просил о переводе, а его знания и опыт могли быть очень полезны в самом МВД. В 1862 г. В. В. Григорьев покинул Оренбургский край, стал ординарным профессором кафедры истории Востока Санкт-Петербургского университета.

Деятельность генерал-губернатора А. П. Безака по управлению Оренбургским краем, предпринятая им в 1863 г. экспедиция против кокандских отрядов, взятие войсками в 1864 г. Аулие-Ата, Азрета были высоко оценены правительством [28]. Он был награжден орденом Андрея Первозванного, избран первым почетным гражданином г. Оренбурга. Кроме того, А. П. Безак разработал проект разделения огромной и трудноуправляемой Оренбургской губернии на две — Оренбургскую и Уфимскую, который был реализован уже после его отъезда в 1865 г. в связи с назначением его командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором Юго-Западного края.

Заключение

Таким образом, в административной практике Оренбургской губернии в первой половине XIX в. случались служебные конфликты, участниками которых были военный и гражданский губернаторы. Однако крупных столкновений, которые парализовали бы управление губернией, породили управленческий кризис, привели к вмешательству императора, не было. Это можно объяснить довольно эффективным функционированием в Оренбургском крае особой модели макрорегионального управления во главе с главным начальником края, сначала — военным губернатором, с середины XIX в. — генерал-губернатором, полномочия которого были чрезвычайно широки. Они включали военное

управление, гражданскую часть, надзор за деятельностью всех органов и учреждений в губернии. Правительство рассматривало главного начальника края как своего представителя в отдаленном пограничном макрорегионе, транслятора имперской политики. Он являлся «местным высшим блюстителем порядка», а потому мог ревизовать «действия всех “мест и лиц” в губернии». Верховная власть, возложив на него обязанность обеспечивать «дух единомыслия» в губернии, не только прислушивалась к его мнению как эксперта, но и стремилась не допустить никаких сомнений в авторитете его власти.

Рассмотренные нами служебные конфликты и спорные ситуации позволяют выделить два уровня их причин — формальные и личностные. Первые были связаны с тем, что в исследуемый период формально-юридические основы функционирования основных институтов местного государственного управления были определены только в самом общем виде, присутствовала общность их компетенций. В практической административной деятельности возникала необходимость дополнительного законодательного регулирования и разграничения функций, определения порядка разрешения конфликтов и споров. В первые десятилетия XIX в. ведущую роль в решении этих вопросов, уточнении полномочий институтов местной власти и управления играл Сенат как высший судебный и надзорный орган Российской империи. В последующем роль Сената снизилась, система местного управления функционировала более четко и становилась унифицированной. Решение служебных конфликтов замкнулось на министерствах. Имеющиеся архивные документы по Оренбургской губернии не позволяют сделать вывод об особой роли монарха в разрешении служебных конфликтов.

Неформальные причины конфликтов были обусловлены личными качествами представителей высшей администрации Оренбургской губернии, их стилем управления, административным опытом, характером отношений с подчиненными, собственным видением ситуации. Кроме того, к середине XIX в. заметно изменился кадровый состав администрации Оренбургской губернии. В результате значительных усилий целого ряда начальников края в губернию приехали на службу грамотные чиновники, имевшие хорошее образование, знания, которые они стремились использовать на практике. В этих случаях верховной власти приходилось разрешать конфликт с помощью кадровых механизмов, направляя чиновников на службу в другую губернию или на новую должность. При этом правительство неуклонно стремилось сохранить авторитет власти главного начальника края и добиться единства управления в макрорегионе.

Список источников

1. Бибииков Г. Н. Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К. Я. Флиге в 1830—1840-е гг. // *Российская история*. 2021. № 2. С. 86—104. DOI: 10.31857/S086956870014462-9.
2. Бибииков Г. Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820—1830-е гг.) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 3, № 2. С. 79—108. URL: <https://philosophy.hse.ru/article/view/9815/10719>. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108.
3. Бибииков Г. Н. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И. Д. Талызина // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 50. С. 12—23. DOI: 10.17223/19988613/50/2.
4. Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М. : Новый хронограф, 2012. 496 с.
5. Бикташева А. Н. Казанские губернаторы и диалог властей (первая половина XIX века). Казань : ИПЦ Экспресс-формат, 2008. 228 с.
6. Григорьев Василий Васильевич // *Исследователи Оренбургского края: (досоветский период) / Оренбургское отделение Географического общества СССР, Оренбургская областная организация общества «Знание», Государственный архив Оренбургской области*. Оренбург, 1983. С. 24—25.

7. Ефимова В. В. «Война с советниками»: о конфликте олонецкого губернатора П. А. Лачинова с губерньским правлением (1820-е годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 10—30.
8. Ефимова В. В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820—1830 гг.) СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. 832 с.
9. Любичанковский С. В. Механизмы карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II: казус П. А. Валуева и Е. И. Барановского // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 52—61.
10. Любичанковский С. В. Современные научные дискуссии о механизмах реализации принципов имперского управления в России на национальных окраинах // Россия — Узбекистан: дорога к союзническим отношениям : материалы междунар. науч. конф., посвящ. десятилетию Договора о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Ташкент : Turon zamin ziyo, 2016. С. 117—129.
11. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 20.
12. НА РБ. Ф. И-100. Оп. 1. Д. 677.
13. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 2. Д. 763/4.
14. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 2. Д. 763/14.
15. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 3. Д. 473.
16. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 4. Д. 9768.
17. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 6. Д. 13786.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-1). СПб. : Тип. II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 20. № 14392.
19. ПСЗРИ-1. СПб. : Тип. II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 27. № 20938.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 756.
21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 1913.
22. РГИА. Ф. 1286. Оп. 12. Д. 1775.
23. РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 614.
24. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 1999. 400 с.
25. Семенова Н. Л. Губернаторы и органы дворянского сословного самоуправления Оренбургской губернии в 20—30-е гг. XIX в. // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 126—132.
26. Семенова Н. Л., Любичанковский С. В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернией в конце XVIII — первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 157—167. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-157-167.
27. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802—1902) : [в 7 т.] / сост. С. М. Середонин. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 — 1825 г. ноября 19). СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. 608 с.
28. Флыгин Ю. С. А. П. Безак и его участие в формировании и реализации российской политики на центральноазиатском направлении // Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2022. Т. 1. С. 65—68.
29. Ханжин Е. Е. Деятельность Е. И. Барановского по подготовке отмены крепостного права в Оренбургском крае в оценке И. П. Кречетовича // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 2. С. 164—167. DOI: 10.55355/snv2023122206.

References

1. Bibikov G. N. Zhandarmskii shtab-ofitser i gubernskaya administratsiya: K. Ya. Flige v 1830—1840-e gg. [Gendarme staff officer and provincial administration: K. Ya. Flige in the 1830s—1840s]. *Rossiiskaya istoriya*, 2021, no. 2, pp. 86—104. DOI: 10.31857/S086956870014462-9. (In Russian)
2. Bibikov G. N. Nadzor III otdeleniya za chastnoi zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820—1830-e gg.) [The Third Section's Oversight of the Private Life of Provincial Officials (1820—1830s)]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki — Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 79—108. Available at: <https://philosophy.hse.ru/article/view/9815/10719>. DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108. (In Russian)
3. Bibikov G. N. III Otdelenie i nadzor za gubernskoi administratsiei: sluchai gubernatora I. D. Talyzina [Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery and the control over provincial administration: the case

of governor I. D. Talysin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Tomsk State University Journal of History*, 2017, no. 50, pp. 12—23. DOI: 10.17223/19988613/50/2. (In Russian)

4. Biktasheva A. N. *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoi poloviny XIX v.* [Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the 19th century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012. 496 p. (In Russian)

5. Biktasheva A. N. *Kazanskie gubernatory i dialog vlastei (pervaya polovina XIX veka)* [Kazan governors and the dialogue of authorities (first half of the 19th century)]. Kazan, IPTs Ekspress-format Publ., 2008. 228 p. (In Russian)

6. Grigor'ev Vasilii Vasil'evich [Grigoryev Vasily Vasilyevich]. *Issledovateli Orenburgskogo kraia: (dosovetskii period)* [Researchers of the Orenburg region: (pre-Soviet period)]. Orenburg, 1983, pp. 24—25. (In Russian)

7. Efimova V. V. “Voina s sovetnikami”: o konflikte olonetskogo gubernatora P. A. Lachinova s gubernskim pravleniem (1820-e gody) [“War with advisers”: about the conflict of the Olonetsk governor P. A. Lachinov with the provincial government (1820s)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2015, no. 2 (44), pp. 10—30. (In Russian)

8. Efimova V. V. *General-gubernatory Evropeiskogo Severa: mesto i rol' v sisteme organov gosudarstvennoi vlasti i upravleniya Rossiiskoi imperii (1820—1830 gg.)* [Governors-General of the European North: place and role in the system of state authorities and administration of the Russian Empire (1820—1830)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019. 832 p. (In Russian)

9. Lyubichankovskii S. V. Mekhanizmy kar'ernogo rosta i padeniya reformatorov epokhi Aleksandra II: kazus P. A. Valueva i E. I. Baranovskogo [Rise and fall of public careers of Alexander II reforms period officials: P. A. Valuev's and E. I. Baranovsky's casus]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2015, no. 4 (49), pp. 52—61. (In Russian)

10. Lyubichankovskii S. V. Sovremennye nauchnye diskussii o mekhanizmakh realizatsii printsipov imperskogo upravleniya v Rossii na natsional'nykh okrainakh [Contemporary scientific discussions on the mechanisms for implementing the principles of imperial governance in Russia on the national outskirts]. *Rossiya — Uzbekistan: doroga k soyuznicheskim otnosheniyam: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. desyatiletiiyu Dogovora o soyuznicheskikh otnosheniyakh mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Respublikoi Uzbekistan* [Russia — Uzbekistan: the road to allied relations. Proceed. of the Internat. sci. conf. dedicated to the tenth anniversary of the Treaty on allied relations between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Turon zamin ziyo Publ., 2016, pp. 117—129. (In Russian)

11. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan] (NARB). F. I-2. Op. 1. D. 20.

12. NARB. F. I-100. Op. 1. D. 677.

13. *Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGA00). F. F-6. Op. 2. D. 763/4.

14. OGA00. F. F-6. Op. 2. D. 763/14.

15. OGA00. F. F-6. Op. 3. D. 473.

16. OGA00. F. F-6. Op. 4. D. 9768.

17. OGA00. F. F-6. Op. 6. D. 13786.

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1 (PSZRI-1)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya S.E.I.V. kantselyarii Publ., 1830, vol. 20, no. 14392. (In Russian)

19. PSZRI-1. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya S.E.I.V. kantselyarii Publ., 1830, vol. 27, no. 20938. (In Russian)

20. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 1282. Op. 3. D. 756.

21. RGIA. F. 1286. Op. 11. D. 1913.

22. RGIA. F. 1286. Op. 12. D. 1775.

23. RGIA. F. 1286. Op. 27. D. 614.

24. Semenov V. G., Semenova V. P. *Gubernatory Orenburgskogo kraia* [Governors of the Orenburg region]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 1999. 400 p. (In Russian)

25. Semenova N. L. *Gubernatory i organy dvoryanskogo soslovnogo samoupravleniya Orenburgskoi gubernii v 20—30-e gg. XIX v.* [Governors and bodies of noble class self-government of Orenburg province in the 20—30-ies of the XIX century]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of Samara State University*, 2015, no. 7 (129), pp. 126—132. (In Russian)

26. Semenova N. L., Lyubichankovskii S. V. *Institut voennogo gubernatorstva v upravlenii Orenburgskoi guberniei v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* [The institute of military governorship in the administration of

the Orenburg province at the end of the 18th — first half of the 19th centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2022, no. 4 (77), pp. 157—167. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-157-167. (In Russian)

27. Seredonin S. M. *Istoricheskii obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov: K stoletiyu Komiteta ministrov (1802—1902): (v 7 t.). T. 1: Komitet ministrov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra Pervogo (1802 g. sentyabrya 8 — 1825 g. noyabrya 19)* [Historical review of the activities of the Committee of Ministers: On the centenary of the Committee of Ministers (1802—1902). In 7 volumes. Vol. 1: The Committee of Ministers during the reign of Emperor Alexander I (Sept. 8, 1802 — Nov. 19, 1825)]. St. Petersburg, Kantselyariya Komiteta ministrov Publ., 1902. 608 p. (In Russian)

28. Flygin Yu. S. A. P. Bezak i ego uchastie v formirovani i realizatsii rossiiskoi politiki na tsentral'noaziatskom napravlenii [A. P. Bezak and his participation in the formation and implementation of Russian policy in the Central Asian direction]. *Odinnadtsatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sb. statei vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.: v 2 t.* [The Eleventh Bolshakov Readings. The Orenburg Region as a Historical and Cultural Phenomenon. Proceed. of the All-Russia (with International participation) sci.-pract. conf. In 2 volumes]. Orenburg, OGPU Publ., 2022, vol. 1, pp. 65—68. (In Russian)

29. Khanzhin E. E. Deyatel'nost' E. I. Baranovskogo po podgotovke otmeny krepostnogo prava v Orenburgskom krae v otsenke I. P. Krechetovicha [The activity of E. I. Baranovsky on the preparation and abolition of serfdom in the Orenburg Region in the assessment of J. P. Krechetovich]. *Samarskii nauchnyi vestnik — Samara Journal of Science*, 2023, vol. 12, no. 2, pp. 164—167. DOI: 10.55355/snv2023122206. (In Russian)

Информация об авторе

Н. Л. Семенова — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

N. L. Semenova — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024;
принята к публикации 20.11.2024

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 15.10.2024;
accepted for publication 20.11.2024